

У истоков отечественной науки

Ю. Х. КОПЕЛЕВИЧ

«РАЙ ДЛЯ УЧЕНЫХ»..? (о судьбах первых российских академиков)

«Раем для ученых» назвал созданную в Петербурге Академию наук Христиан Вольф, ученый с мировым именем, философ и естествоиспытатель, ученик и последователь знаменитого Лейбница. После смерти в 1716 г. Лейбница, который в течение 20 лет заочно, в форме посланий, и трижды при личных встречах просвещал и наставлял российского монарха, какими путями следует внедрять образование и науку в России, Вольф — в те годы профессор в Галле — оказался в числе лиц, с именами которых Петр связывал свои планы создания Академии или Университета. Когда Петр в феврале 1721 г. отправил своего библиотекаря И. Д. Шумахера во Францию, Германию, Голландию и Англию изучать академии, университеты, библиотеки, музеи, приобретать научные приборы и книги, знакомиться с учеными на предмет возможности их приглашения в Россию, то на одном из первых мест числился Вольф, и Шумахеру казалось, что он его уговорил. Переговоры и переписка длились почти 4 года, в письмах к лейб-медику Лаврентию Блюментросту, который в эти годы был главным «двигателем» в деле приглашения ученых, Вольф выдвигал разные опасения и требования: если будет академия, то быть ее президентом, а если университет, — то ректором. Но когда выяснилось, что он рассчитывает помимо жалованья в 2000 рублей годовых получить еще единовременно 20000 рублей при переезде, то Блюментрост ему ответил, что если бы Петр своей щедростью и любовью к искусствам превосходил Александра Македонского, а Вольф своей ученостью — Аристотеля, «то и тогда эта сумма так велика, что надо еще выбрать удачный момент, чтобы только доложить об этом императору» [1, с. 182—183]. Видимо, Блюментрост хорошо знал, что щедрость Петра безгранична. Итак, приезд Вольфа в Россию не состоялся. Тем не менее он сохранял дружественный интерес к делам российского просвещения, и, пользуясь своим большим авторитетом и связями среди европейских деятелей науки, помогал подбирать ученых для будущей Академии. Вольф был в числе первых иностранных почетных членов Академии. Известно, что позднее, с конца 1736 г., Вольф по просьбе Академии взял под свою опеку трех академических студентов, в их числе был Михайло Ломоносов, и лично обучал их естествознанию.

Но вернемся к 1727 г., в то время были сказаны слова о «рае для ученых». Они написаны Вольфом в письме к Леонарду Эйлеру, когда он, двадцати-

летний юноша, покинув родной Базель, направился в Петербург по приглашению Академии, которое ему исхлопотал уже служивший там его друг и сын его учителя Даниил Бернулли (см. [2, с. 10—37]). По совету Иоганна Бернулли Эйлер по пути сделал короткую остановку в Марбурге, где с 1723 г. обосновался Вольф, вынужденный покинуть Галле из-за конфликта с местными пиетистами. Когда Эйлер уехал из Марбурга и отправился в дальнейший путь, Вольф 20 апреля написал ему вслед письмо, которое заканчивалось так:

Я очень сожалею, что вы так торопились и я не имел счастья побеседовать с Вами о разных предметах и особенно высказать мое глубокое уважение к Императорской академии наук и проявить должную учтивость, отвечающую дружбе господина Бернулли. Вы едете теперь в рай для ученых, и я желаю Вам только, чтобы Всевышний сохранил в путешествии Ваше здоровье и позволил Вам долгие годы находить в Петербурге свое удовольствие. Прошу передать мой нижайший поклон его превосходительству господину президенту, а также мой привет господам Бильфингеру, Герману, Бернулли, Мартини, Лейтману, и прошу всегда хранить обо мне добрую память... [3].

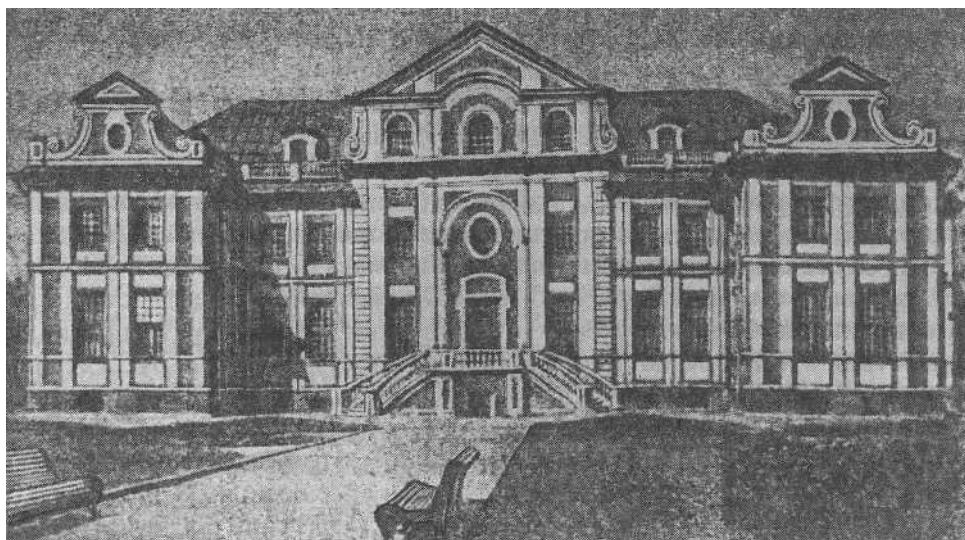
А теперь уместно бросить хотя бы беглый взгляд на то, что представляла собой Петербургская академия наук через неполных два года после того, как приняла первых своих членов, и что мог знать о ней Христиан Вольф, сказав о ней такие похвальные слова.

Началу работы Академии наук предшествовали примерно десять лет подготовительных мероприятий. Петр I, обычно крутой и стремительный, в этом новом для России деле проявил осмотрительность и осторожность. К тому же вся подготовка проходила в обстановке почти непрерывных войн — Северной войны, Персидского похода. Уже в 1714 г. Петр создал из своей личной библиотеки, пополненной за счет трофейных и купленных книжных собраний, общедоступную научную библиотеку и нанял для заведования ею питомца Страсбургского университета Иоганна Даниила Шумахера. Впоследствии Шумахер стал видной фигурой в Академии, фактически ее «теневым» директором. В 1718 г. Петр, под впечатлением многих увиденных в Европе естественно-научных музеев — кунсткамер, заложил на берегу Невы свою Кунсткамеру, в которой, помимо музея, намечено было создать обсерваторию, анатомический театр, физический кабинет и там же разместить библиотеку. Это здание должно было стать своеобразным дворцом науки. Такого здания, специально построенного для столь широкого комплекса задач, Петр еще нигде не мог увидеть. Следует сказать, что среди соратников Петра не все разделяли его идею создания Академии наук или Университета. Некоторые возражали, и не без оснований, что для Университета не найдется студентов. Когда в одной из бесед, которую записал В. Н. Татишев, об этом зашла речь, Петр привел притчу о старике, который начал строить мельницу, хотя знал, что подвести воду уже не успеет. Но он рассчитывал: когда мельница будет готова, его сыновья будут вынуждены прорыть к ней канал и подвести воду. Так и ему мельница необходима, ибо он должен «жать скирды великие», а канал к ней ему уже

не прорыть, «для того что долготы жизни наша ненадежна», но его преемники вынуждены будут это делать [4, с. 110]. Если этот разговор с Татишевым записан верно, то из него явствует, что Петр не надеялся увидеть плоды своих усилий, но он, по-видимому, не думал, что его кончина наступит так скоро.

Приглашение ученых в Россию началось еще задолго до того, как созрел план создания Академии. Х. Вольфа приглашали еще в 1715 г., астронома Жозефа Никола Делиля в 1717 г., когда Петр был в Париже и познакомился с Парижской академией наук (вскоре он был принят в число ее почетных членов). Более конкретный характер переговоры приняли после поездки в 1721 г. Шумахера по странам Европы. Началась интенсивная переписка, которую вел от имени Петра лейб-медик Лаврентий Блюментрост с десятками видных европейских ученых, — одних приглашали, других просили о содействии в подборе кандидатов. Блюментросту помогали русские дипломаты: в Париже — Борис Иванович Куракин, в Берлине — Александр Гаврилович Головкин. Сохранившаяся в Архиве обширная переписка этих лет показывает, насколько внимательно и осмотрительно производился этот отбор. Сначала Петр хотел заполучить в Россию видных, знаменитых ученых, но такие большей частью отказывались сразу или после некоторых обсуждений и колебаний: они занимали прочное положение в своих университетах, были хорошо обеспечены (помимо жалованья, за которое они читали так называемые публичные лекции, они обычно имели платные частные курсы лекций и сомневались, будут ли таковые в России). Боялись холодных зим, новых, неизвестных условий жизни в строящемся городе. В итоге удалось получить согласие только двух известных ученых, астронома Ж. Н. Делиля, нештатного члена, или «ассосье» Парижской академии наук, и второго, знаменитого швейцарского математика, ученика Иоганна Бернулли, профессора во Франкфурте-на-Одере Якоба Германа.

Пока велась вся эта переписка, долго оставалось неясным, создается ли в России Академия наук или Университет. Определенность наступила лишь с момента, когда 22 января 1724 г. Петр представил Сенату сочиненный Блюментростом по его указаниям Проект — обширный документ, в котором впервые в мировой практике развивалась идея создания в едином учреждении, под общим руководством, с общим штатом и бюджетом Академии наук, Университета и Гимназии. Академики, они же профессора, будут читать лекции студентам и одновременно обучать нескольких молодых людей — выходцев из европейских университетов, которых будут готовить себе в помощники и преемники. Позднее этих молодых людей стали называть адъюнктами. В обязанности адъюнктов входило преподавание в Гимназии. Академики — всего их намечалось 11 персон — делились на три класса: к первому относились математические науки, ко второму — физика и естественные науки, к третьему — гуманитарные. К функциям академиков было отнесено: каждому в своей науке «разыскивать» все, что уже учинено, и «производить» то, что необходимо к ее «исправлению и приращению», готовить для печати экстракты из «добрых авторов» в своей науке, выполнять, если потребуется, поручения Его Императорского величества и, наконец,



Кикины палаты

подготовить и сдать в печать «систем или курс» в своей науке в пользу учащихся. Проектом были предусмотрены регулярные заседания Конференции для коллективного обсуждения работ, управление — император в роли протектора, кураторы, выборный президент, директор с двумя «товарищами», комиссар над деньгами. В Проекте указаны бюджет Академии — 24912 руб. и постоянный источник этих денег — таможенные сборы с городов Нарвы, Дерпта, Пярново (Пярну) и Аренсбурга.

Этот Проект, изложенный здесь предельно кратко, в книге «Уставы» занимает 9 страниц, был в немецком сокращенном переводе напечатан в европейских журналах, и с этого момента переговоры с учеными оживились. К весне 1725 г., когда улеглось замешательство, вызванное скоропостижной смертью Петра, в переписке появилась новая любопытная черта — завязываются отношения между самими кандидатами, жителями разных стран. Они живо интересуются своими будущими коллегами и активно включаются в поиски ученых на еще не занятые места. К лету уже на все кафедры имелись надежные кандидаты.

К их приезду поспешно ремонтировался большой дом на Петербургской стороне, на берегу Большой Невы (недалеко от «домика Петра»), конфискованный у опального вице-канцлера Петра Шафирова*. Здесь предпо-

* М. И. Автократова, которая знакомилась в РГАДА с протоколом Сената от 22 января 1724 г., сообщает, что помимо одобрения петровского Проекта, там имеется запись и о зданиях для Академии: «...при том учинено: на Академию на первое время занять Шафировский двор, а потом достроя дом государынь царевен к тому взять и к тому же пристроить, что надлежит, деревянно» [5, с. 27]. Отсюда мы видим, что того же 22 января Сенат в присутствии Петра, и, вероятно, по его предложению, решил вопрос о зданиях, в которых Академия действительно размещалась до конца XVIII в.

лагалось поселить холостых ученых. По соседству были наняты или получены (из конфискованных) еще несколько домов, в одном из них позднее разместилась Канцелярия Академии. Кунсткамера же и Библиотека находились километрах в трех от этого места вниз по реке, на противоположном берегу Невы, в доме казенного боярина Кикина (так называемых «Кикиных палатах»). Неподалеку от него был нанят дом генерал-лейтенанта М. А. Матюшкина, где через год поселились два семейных академика — Ж. Н. Делиль с женой и братом Л. Делилем дела Кройером (они прибыли в Петербург 11/22 февраля 1726 г.) и Г. З. Байер с семьей. Здесь Делиль устроил свою первую обсерваторию и в течение полугода вел астрономические наблюдения. Таким образом на двух берегах Невы был создан своего рода академический городок.

Прекрасный показатель заботы Блюментроста* о бытовых условиях приезжающих ученых — его доношение императрице от 30 апреля 1725 г. Хотя оно уже не раз публиковалось, трудно устоять перед соблазном процитировать его в статье, где речь идет о «рае для ученых»:

Блаженно и вечнодостоинья памяти е.и.в. именно приказал, чтоб дом академический домашними потребами удостатчить и академиков недели с три или с месяц невзачет кушаньем довольствоваться, а потом подрядить за настоящую цену, наняв от Академии эконома, кормить в том же доме, дабы, ходя в трактиры и в другие мелкие домы, с непотребными общаючись, не обучились их непотребных обычаев и в других забавах времени не теряли бездельно, понеже суть образцы такие из многих иностранных, которые в отечестве добронравны бывши, с роскошниками и пьяницами в бездельничестве пропали и государственного убытку больше, неже прибыли учинили (7, с. 107 — 108).

Блюментрост уже знал тогда, что приедут ученые большей частью молодые и холостые, и, устроив их совместное питание «по месту работы», заботился об их нравственном здоровье и защите их трудоспособности от соблазнов большого города. Уже через месяц после доношения был нанят

* В указе Екатерины I от 17 декабря 1725 г. «О заведении Академии наук и о назначении президентом лейб-медика Блюментроста» заглавие, видимо, данное издателями указа, не соответствует его содержанию. Бессмысленно было бы «заводить» Академию, которая уже два года получала свою государственную сумму, давно заполнила свой штат и проводила заседания. Да и в тексте указа говорится лишь о подтверждении того, что уже «учинил» Петр I и «в ней президент» лейб-медик Лаврентий Блюментрост. Никаких слов о назначении Блюментроста президентом здесь нет. Не сказано ничего и об Академии как научном учреждении, а есть только призыв ко всем «отдавать в разные науки детей своих и свойственников», то есть забота о заполнении Университета и Гимназии.

О Блюментросте в той же публикации М. И. Автократовой [5] сказано, что ею обнаружен в РГАДА черновик указа от 20 ноября 1725 г. о назначении Блюментроста президентом Академии. Почему этот указ не был обнародован и об этом не позаботился «законник» Шумахер, едва ли сейчас можно установить. Известен, однако, печальный факт, что в 1738 г., когда Блюментрост уже 6 лет не служил в Академии, а получал как начальник московского госпиталя 1500 рублей в год, академическая Канцелярия определила, что выплаченные за 5 лет его президентства более 5 тысяч рублей (по словесному указанию Петра I) были получены им незаконно. Эту сумму долгие годы вычитали из его нового жалованья. Так Академия вознаградила труд своего первого президента (см. [6, с. 14]).

эконом, ему выдано на покупку припасов 500 рублей. Семейные академики находили в погребах своих квартир припасы продовольствия на месяц, включая вино.

В конце июля и начале августа 1721 г. в Петербург прибыли первые члены Академии: упомянутый выше Х. Мартини, профессор красноречия И. Х. Коль, математик Я. Герман и физик Г. Б. Бильфингер. 28 июля приехал Христиан Гольдбах— уроженец Кенигсберга, талантливый математик, много странствовавший по Европе, большой знаток научной жизни разных стран. Он вел обширную переписку и был вовлечен в подбор ученых для России. В Петербург он прибыл без приглашения, желая посмотреть, что за Академия там создается. Но когда с ним здесь познакомились, тотчас предложили должность конференц-секретаря, кстати, не предусмотренную петровским Проектом, и он согласился, связав свою судьбу с Россией навсегда.



Ж. Делиль

неслыханные в мире ученых, вскоре были описаны в лейпцигских «Новых ученых ведомостях» [8, с. 731—736].

Это мнение вскоре дошло до Вольфа. Кроме того, он получил из Петербурга письмо от Мартини, о котором сообщил Блюментросту 18/29 июля 1725 г. «Г-н Мартини писал мне с большою похвалою, как любезно он был встречен по своем прибытии и как приятно в Петербурге. Я нисколько не

15 августа приехавшие к тому времени академики были представлены императрице в ее Летнем дворце. В саду их приветствовал гофмаршал М. Олсуфьев, и А. Д. Меншиков представил им своего юного сына как будущего их слушателя. Затем их повели в императорские покои, где они увидели императрицу с обеими дочерьми, зятем герцогом Гольштинским и знатнейшими придворными. Выслушав речи Германа и Бильфингера, императрица заверила всех в своем покровительстве и благоволении, после чего они были допущены к руке императрицы и всех особ ее фамилии, а затем их угощали в одной из смежных комнат. Все эти почести,

сомневаюсь, что все принятые на службу будут вполне довольны и никого не потянет обратно. Я везде оповещаю об этом, чтобы все более рассеивать необоснованные предубеждения» [1, с. 54].

А теперь интересно посмотреть на дальнейшие судьбы первых обитателей этого «рая» и первых его хвалителей. Мартини был рекомендован Вольфом* (который лично его не знал, но был наслышан о нем как о пылком вольфианце) адъюнктом по физике, но такой должности поначалу не было, и Блюментрост (кстати, тоже поклонник Вольфа) принял его академиком по кафедре физики, и в контракте он записал, что обязуется «физику преподавать по началам Вольфа».

Но в заседаниях Конференции он скоро обнаружил свою недостаточность в этой науке (в первом же докладе он рассказал об изобретенном им вечном двигателе), и ему предложили вместо физики читать логику и метафизику, но и здесь он не соответствовал требованиям, и он должен был уволиться. Он тянул с этим делом больше года и уехал только в мае 1729 г. В Германии он тоже не имел особого успеха, но, претендуя на репутацию знатока России, издал в 1731 г. книгу «Nachrichten aus Russland», Frankfurt u.



Л. Делиль дела Кройер

* Вместе с Мартини в Петербургскую академию Вольф рекомендовал Георга Бернгарда Бильфингера, своего горячего поклонника. Будучи студентом в Тюбингене, Бильфингер увлекся сочинениями Вольфа и отправился в Галле, чтобы слушать лекции своего кумира. Он пробыл там три года. Вернувшись в Тюбинген, он стал экстраординарным профессором по философии, но преподавал также математику. В письме к Бильфингеру 26 сентября 1724 г. Блюментрост писал, что его согласие служить в Петербурге будет принято с особым удовольствием, поскольку «мы желаем, чтобы у нашей нации, еще не приверженной ни к каким другим философским началам, преподавалась вольфианская философия и чтобы она распространялась в этом столь обширном государстве» [9, л. 212 и об.].

Leipzig. 1731 («Вести из России») — большей частью выдержки из иностранных и русских сочинений и документов и немного собственного текста о политической смуте в Петербурге в 1727 г. И в конце книги он привел толкование русских слов, в том числе бранных. Миллер сказал об этой книге, что она показывает, как мало автор знал о России [10, с. 24].

Рекомендуя Блюментросту Бильфингера, Вольф писал о нем, что у него «голова с огромными способностями», что он большой почитатель российского императора и имеет большое желание вступить на русскую службу [10, с. 24—25]. Вольф хвалил его также как физика и математика. Получив приглашение и заключив в Берлине через посредство А. Г. Головкина* контракт на 5 лет на должность профессора по кафедре логики, метафизики и морали (такая кафедра в петровском Проекте не была предусмотрена; позднее он и Мартини поменялись кафедрами, и Бильфингер получил кафедру физики), в начале августа 1725 г. он вместе с Я. Германом прибыл в Петербург.

Вскоре Вольф получил первое известие от Бильфингера и 16/27 декабря 1725 г. написал Блюментросту:

Г-н Бильфингер очень мне хвалит, как хорошо ему в Петербурге, а гр. Головкин сообщает, как милостливо все академики были приняты. Я, со своей стороны, легко могу предвидеть, что Бильфингеру будет там приятнее жить, чем в Германии, где каждый друг друга преследует и друг другу завидует. Если он пожелает отличиться, то в Петербурге у всех вместе эта цель и ни один не имеет причин завидовать другому. Желаю, чтобы скоро за границу услышали еще более славное об Академии (1, с. 64).

В ноябре того же года Бильфингер писал Г. З. Байеру в Кенигсберг:

Наш регламент и привилегии уже урегулированы, обсуждены, одобрены и ЕИВ подписаны и зарегистрированы в Сенате**. Согласно этому регламенту мы имеем постоянный и довольно богатый фонд из лифляндских таможенных сборов. От русской юриспруденции мы полностью свободны и не получаем других приказов, кроме как от ЕИВ и нашего президента. Мы имеем превосходную библиотеку, богатую камеру натуралиев, минц-кабинет и собственную типографию с гравировальней и все то, что необходимо для развития наук. Переписка по научным делам совершенно бесплатная... Я убежден, что никакая Академия или университет не имеют таких привилегий и такого обеспечения (12, л. 202—203 нем.).

* В своей речи в первом публичном собрании Академии 27 сентября 1725 г. Бильфингер с большой похвалой отозвался о Головкине, который очаровал его своей обходительностью, своим интересом к наукам и высокой образованностью. Как и для других ученых, оформлявших свои контракты в Берлине, Головкин был первым русским человеком, с которым они познакомились лично. И от этого знакомства, как сказал в своей речи Бильфингер, «мы пронились не только самыми добрыми надеждами, но и твердой уверенностью в том, что в России науки и ученых ожидает самая лучшая доля» [11].

** Академики ошибочно считали составленный в 1725 г. регламент утвержденным, хотя в действительности он таковым не был.

Когда вопрос о приезде Байера был уже решен, об академической Конференции Х. Гольдбах писал ему следующее:

Там каждый докладывает, что сам изберет из своей науки. Вы можете, например, доложить о старых монетах или надписях (особенно если они имеют какое-то отношение к России), о Каспийском море или о сотне подобных материй — подготовьте их наперед (12, л. 211—212).

В феврале 1726 г. Байер приехал с семьей в Петербург. В письме на родину он писал:

Когда я прибыл в Петербург, то чуть не поверил, что попал в другой мир. Трудно представить себе, что такой великолепный город мог быть построен в столь короткое время. Здание Академии еще не готово, но это — настоящий княжеский дворец. Мне не пришлось заботиться о домашней утвари, столах, постелях, стульях и т. д. — Академия предоставляет это все каждому. Провианта мне выдали на 4 недели — всего, чего я пожелал. Моя кухня еще никогда не была так богато обеспечена, и мне нужно было бы иметь изрядную компанию, чтобы распить за четыре недели столько вина. Чтобы дать вам представление о библиотеке, скажу только следующее: г-н Дювернуа уверил меня, что не было такой книги, даже из редких, по математике, медицине и физике, которую бы он пожелал видеть и здесь не нашел. То же самое было со мной в отношении книг по древностям (13, с. 382—384).

Первое публичное собрание, на котором произносил свою речь Бильфингер, проводилось с большой торжественностью. Императрица, правда, не присутствовала, но были здесь обе ее дочери, Анна и Елизавета, и супруг Анны герцог Гольштинский, Сенат, Синод, придворные, высшие чины армии и флота, иностранные послы, вся петербургская знать — всего около 400 человек. Таких пышных празднеств, пожалуй, не знала ни одна другая академия. Бильфингер обрисовал перед слушателями всю историю научного знания, историю возникновения академий, связав это с идеями Фрэнсиса Бэкона, проповедника экспериментального метода исследований и коллективного труда ученых. Второе публичное собрание, 1 августа 1726 г., было еще более торжественным. Академия к тому времени имела уже почти полный штат. В зале дома Шафировова поставили трон. Приближение барки, на которой прибыла императрица с семьей (моста через Неву еще не было), было встречено торжественной музыкой — перед домом стояла рота солдат, а на балконе трубачи и барабанщики. Публика была примерно та же, что и на первом собрании. В соседней с залом комнате музицировала придворная капелла. Г. З. Байер начал собрание похвальным словом императрице. Затем Я. Герман произнес речь об истории математики и важнейших в ней открытиях. Отвечал ему Х. Гольдбах. После выступлений императрица и высшее общество перешли в другую комнату, где были накрыты столы со всевозможными сладостями и буфет с винами. Туда же последовали и члены Академии. Императрица, как вспоминал об этом Миллер,

«выпила бокал вина с пожеланием, чтобы Академия вечно жила и процветала и приносила государству истинную пользу» [10, с. 104].

Такие собрания стали в Академии наук традицией. Они проводились по государственным праздникам (тезоименитствам, юбилеям коронаций и т. п., с печатными объявлениями и приглашениями), за редкими перерывами почти до конца XVIII в. Часто в дни собраний устраивались пышные иллюминации вокруг здания и на реке.

Нет сомнения, что такие праздники укрепляли в ученых, приехавших недавно в Петербург, веру в большое значение, которое придавалось науке в России, и следовательно в свои в ней перспективы. К тому же, они с самого начала существования Академии не давали ей замыкаться, помогали становиться неотъемлемой частью публичной жизни города.

Вместе с Бильфингером одним из первых ораторов в публичных собраниях был Якоб Герман. Он, как и Бильфингер, был рекомендован Вольфом еще в 1723 г. Уроженец Базеля, он стал учеником старшего из братьев Бернулли, Якоба, и вскоре привлек к себе внимание Лейбница, став с его помощью членом Берлинского научного общества. В 1707 г. он по рекомендации Лейбница получил кафедру математики в Падуанском университете, а в 1713 г. — во Франкфурте-на-Одере. Здесь он написал свое главное сочинение, изданное в Амстердаме в 1716 г. «Phoronomia, seu de viribus et motibus corporum solidorum et fluidorum» (Форономия, или О силах и движениях твердых и жидких тел). Получив приглашение в Петербург от Блюментроста, он сначала колебался, его отговаривали, а потом ответил согласием, считая невообразимым, «чтобы при таком могущественном и благодетельном монархе могло случиться что-нибудь худое с благонамеренным академиком, который, по возможности, будет стараться выполнять свои обязанности» [6, с. 67]. По контракту, подписанному им еще при жизни Петра, 8 января 1725 г. ему, с учетом его высокого положения при Университете, где он назывался «профессор примариус», было назначено жалованье 1500 руб. годовых в первые два года, а дальше по 2000 руб. 3/14 августа 1725 г. Блюментрост сообщил Вольфу: «...столь давно и с тоскою ожидаемые господа профессора Герман и Бильфингер прибыли сюда благополучно» [1, с. 191]. Они поселились вместе и оба активно выступали в заседаниях Конференции. Герман 2/13 ноября 1725 г. (это было первое заседание, зафиксированное в «Протоколах») выступил с докладом «О сфероидной фигуре Земли» — т.е. о вытекающем из ньютоновского всемирного тяготения представлении о Земле, сплюснутой у полюсов. Бильфингер, убежденный картезианец, выражал сомнения. По докладам Германа в Конференции в первых шести томах академических «Комментариев» напечатано 37 его статей по различным проблемам анализа, геометрии и механики. Примерно такой же была активность в Конференции Бильфингера. Его доклады и публикации в «Комментариях» посвящены измерению сил движущихся тел; направлению тяжелых тел в сферическом вихре; чувствительным барометрам; центробежной силе сферического тела в сферическом вихре и др. Он был сторонником учения Декарта о материальных вихрях, заполняю-

ших пространство, и противником ньютонианства. Он за сочинение «Экспериментальное исследование об общей физической причине тяжести», основанное на этих принципах, в 1728 г. получил премию Парижской академии наук, которая тогда еще была оплотом картезианства. Коренные различия научных воззрений, однако, не мешали личной дружбе Германа и Бильфингера, во внутриакадемических конфликтах они обычно выступали солидарно. Когда в январе 1728 г. президент, будучи еще и лейб-медиком, уехал вместе с двором в Москву и передоверил управление академическими делами Шумахеру, который будет каждые четыре месяца брать себе в помощь одного из членов Академии, то Герман заявил, что он 24 года занимал все почетные посты, какие бывают в университетах, и не станет в свои преклонные годы помощником у человека ниже себя по званию. Такого же мнения был и Бильфингер. В начале 1730 г. Шумахер тоже уехал в Москву и пробыл там полгода. В это время профессора писали жалобы на руководство Академии в разные инстанции. Герман и Бильфингер, в связи с истечением пятилетнего срока их контракта, просили об отставке. Шумахер явно жаждал их отъезда, но опасался неблагоприятного впечатления, которое такой отъезд произведет на ученых в Европе, и соблюдал осторожность. Увольнение было оформлено «по высшему разряду»: Герман и Бильфингер оставались иностранными почетными членами Академии с пенсией 200 руб. в год и похвальными свидетельствами о службе в России за подписью канцлера Г. И. Головкина. Отъезд состоялся 14 января 1731 г. О своем отъезде Герман написал письмо к Х. Гольдбаху, с которым был знаком задолго до приезда их обоих в Россию. Переписка Германа с Гольдбахом опубликована в приложениях к научной биографии Гольдбаха. 4/15 марта 1732 г. Герман пишет: «Я не настолько одержим жадностью, чтобы в моем возрасте ради выгоды мог и хотел дальше терпеть всякие унижения, которым подвергаются петербургские профессора, и быть предметом насмешек для юнцов. Итак, я уехал, чтобы от этого избавиться, и уверен, что, поступив так, угодил и президенту, говорившему иногда обо мне пренебрежительно, и другим» [14, с. 200].

Чтобы понять слова Германа о «юнцах», придется отвлечься немного в сторону, к вопросу о возрастном составе Петербургской академии наук. По понятиям нашего времени, состав Петербургской академии XVIII в. отличался молодостью, в сравнении, например, с Парижской академией наук, даже если считать год вступления французских ученых не в число академиков, как мы ведем счет для петербургских, а в число адъюнктов. Итак, из 70 петербургских академиков XVIII в. 9 получили это звание в возрасте старше 40 лет, 36 — от 30 до 40 лет и 25 — моложе 30 лет. Например, Д. Бернулли — в 25 лет, Л. Эйлер — в 23 года, И. Г. Гмелин — в 21 год. После отъезда 53-летнего Германа и 38-летнего Бильфингера в Академии оставались старейший механик Г. Лейтман (63 года), а в возрасте после 40 — астроном Ж. Н. Делиль, его брат астроном Л. Делиль де ла Кройер, конференц-секретарь и математик Х. Гольдбах, анатом И. Г. Дювернуа; в возрасте от 30 до 40 — математик и физик Д. Бернулли, историк Г. З. Байер, юрист

И. С. Бекенштейн (год рождения неизвестен). Остальные — молодежь — И. Вейтбрехт, Г. В. Крафт, Г. Ф. Миллер, Л. Эйлер, И. Г. Гмелин. Трудно гадать, кто из них мог докучать Герману насмешками. Скорее можно предположить обостренную мнительность человека, избалованного почитанием. Другое дело Бильфингер. Он действительно страдал от постоянных злых шуток Даниила Бернулли, потешавшегося над ним по любому поводу, но Бильфингер не оставался в долгу. Эти раздоры даже разбирала особая комиссия [7, с. 501 — 504, 561 — 577; 10, с. 183 — 190].



Д. Бернулли

Итак, двое солидных и известных ученых не были счастливы в вольфовом «раю» и через пять лет покинули его. Герман вернулся на родину, но вскоре там заболел и 3/14 июля 1733 г. скончался. Бильфингер же, возвратившись в Вюртемберг, получил профессуру по богословию, позднее, при герцоге Карле Александре, стал тайным советником и президентом консистории. С Академией он сохранял отношения до конца жизни (умер в 1750 г.), прислал статью по фортификации и своего производства медаль с изображением его способа укрепления городов, за которую русская императрица назначила ему награду в 1000 рублей.

Вскоре после возвращения в Тюбинген Бильфингер произнес там речь о достопримечательностях Петербурга [15]. Словом, его общая эрудиция и ораторские способности, так пригодившиеся ему в начале жизни в Петербурге, едва ли помогли бы ему удержаться, с его картезианством, на должном уровне в том сильном математическом коллективе, который сформировался в Академии. Из этого «рая» он вовремя ушел.

И после отъезда Германа и Бильфингера в Академии оставалась сильная

физико-математическая группа. Даниил Бернулли (его старший брат Николай, приехавший вместе с ним, уже летом 1726 г. скончался), хотя до 1728 г. состоял на кафедре физиологии, но занимался преимущественно математикой. Он прибыл с большим багажом знаний, полученных от отца, но условия работы в Петербурге, заседания Конференции, постоянное общение с Я. Германом, Ж. Н. Делилем, Х. Гольдбахом, а позднее с его младшим товарищем Л. Эйлером расширяли круг его интересов. Его статьи в первых томах «Комментариев» по механике и анализу очень скоро создали молодому Бернулли известность в Европе. В начале 1729 г. он начал работу над обширной книгой, которую назвал «Гидродинамика». Возникновение этой книги связано с одним обстоятельством, которое заслуживает особого упоминания.

В 1728 г., когда Блюментрост вынужден был вместе с двором уехать в Москву и дальше руководить Академией с помощью писем Шумахеру и инструкций академикам, он в письме от 3 августа предложил Шумахеру потребовать от академиков, чтобы они представили свои «системы» [16, л. 29об.—30, нем.]. К этому надо вспомнить пункт в петровском Проекте, где среди перечисленных обязанностей академиков сказано:

Каждый академик обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся младых людей изготовить, а потом оные имеют на императорском иждивении на латинском языке печатаны быть (17, с. 35).

В контрактах такой пункт не встречается, и вообще, по-видимому, никто не задумывался о том, что имел в виду автор Проекта — учебник или нечто другое. Слово «система» как вид научной книги уже в это время было своего рода анахронизмом, оно восходило к эпохе Фрэнсиса Бэкона, когда еще сильна была вера в то, что о любом явлении природы можно все узнать и описать его. Но академики поняли «систему» (наверное, так же понял и Блюментрост, а ведь он в свое время был соавтором Проекта) как монографию. Некоторые стали возражать, что вообще по их науке «систему» написать трудно и что такая обязанность в их контракте не записана. Кстати, не было такого пункта и в уставах других академий. Блюментрост повторял это требование в письмах и инструкциях. Но кое-кто принял это требование всерьез и даже охотно, к примеру правовед И. С. Бекенштейн, который сначала решительно возражал, однако написал и издал в 1731 г. «Введение в геральдику» («Kurtze Einleitung zur Wappen Kunst») — рисунки гербов с пояснениями на немецком, французском и латинском языках. Условия для выполнения такой работы были — малая загруженность лекциями, богатая библиотека, а главное, уверенность, что книга может быть напечатана. Вот и Бернулли решил приняться за монографию. Поскольку он еще официально числился на кафедре физиологии, он запросил Блюментроста, обязан ли он писать по этой науке или может избрать физику и математику. Блюментрост не настаивал на физиологии, и он принялся за свою «Гидродинамику».

Шумахер поначалу относился ласково к молодому Бернулли и называл его *mon Daniel*, но поскольку тот с годами становился строптивее, Шумахер к нему охладел, и Бернулли летом 1730 г. при заключении нового

контракта дал понять, что подумывает о возвращении на родину. После этого он еще три года оставался в Академии, несколько раз обращаясь к Блюментросту и 19 июля 1732 г. — к императрице, выражая сожаление о необходимости возвратиться на родину из-за плохого состояния здоровья. При этом он просил наградить его титулом придворного советника или другим чином в честь его семьи, которая в Швейцарской республике всегда имела первые чины. Блюментрост по этому поводу выразил императрице мнение, что такое отличие будет досадно другим профессорам и приведет к «великому несогласию». Итак, Бернулли получил при отъезде звание почетного члена и пенсию в 200 рублей — обычное награждение для тех, кто покидал Академию «по доброму». Один факт убедительно свидетельствует о том, что Д. Бернулли действительно не имел претензий к академическому «раю» и высоко оценивал условия жизни и работы в Петербурге — незадолго до его отъезда в Академию появился его младший брат Иоганн II, по отзывам современников, — очень одаренный математик. Он был не прочь остаться здесь после отъезда Даниила, но в Академии не выразили желания принять его.

Свою «Гидродинамику» Д. Бернулли закончил или почти закончил до своего отъезда и увез рукопись с собой. Книга вышла в Страсбурге в 1738 г. под заглавием: «*Hydrodynamica sive de viribus et motibus fluidorum commentarii*» («Гидродинамика, или Комментарии о силах и движениях жидких тел»). При большом научном наследии Д. Бернулли эта книга является главным делом его жизни. Свидетельство тому — его надгробие в Петеркирхе в Базеле, где на черной плите с длинной латинской надписью — беломраморное скульптурное изображение женщины с раскрытой книгой «Гидродинамика». Это была первая ласточка в огромной серии научных монографий, созданных в Петербургской академии наук в XVIII веке.

В особом положении находился в Академии астроном Ж. Н. Делиль*, приглашенный в Россию самим Петром и очень этим гордившийся. С собой он привез мастера-инструментальщика и часть оборудования для обсерватории, которую строили по его проекту в башне Кунсткамеры. Делиль приехал с программой работ по астрономии и с намерением найти на месте помощников и обучить их астрономическим наблюдениям. Делиль мало посещал заседания Конференции и крайне редко выступал там с докладами. Его работа была сосредоточена в Обсерватории, где он наладил систематические наблюдения утром, днем и вечером.

2 марта 1728 г. Делиль выступил с речью в публичном собрании на тему: Можно ли доказать одними только астрономическими фактами, какова истинная система мира? И вращается ли Земля, или нет? Отвечал на речь Даниил Бернулли. Обычно такие речи печатались на языке оригинала и в русском переводе. Перевод с французского был подготовлен Степаном Коровиным. Но поскольку тема могла косвенно затрагивать вопросы веры, Академия советовалась с влиятельными людьми в Москве, издавать ли русский перевод, и получила отрицательный ответ. Так перевод остался неопубликованным.

* Очерк о Делиле написан совместно с Н. И. Невской.

В контракт Делиля не входило занятие картографией. Однако еще при встречах с Петром I, приехавшим в июне 1717 г. в Париж, Жозеф и его старший брат Гийом, королевский географ, объяснили Петру, что для составления точных географических карт необходимы точные астрономические наблюдения, техникой которых в России никто не владел. Этим он и занялся с первых дней своей работы в Академии. Он попросил Блюментроста достать имеющиеся в России карты, чтобы выяснить, можно ли их использовать. В то же время он начал обучать точным наблюдениям, необходимым для определения географических широт и особенно долгот мест, преподавателей Морской академии, ее выпускников — штурманов и геодезистов Сената, а в дальнейшем и участников академических экспедиций.

В Академию из Сената стали присылать карты и под руководством Делиля началось их изучение и копирование при поддержке обер-секретаря Сената И. К. Кирилова. Выделенная для этой цели комната стала называться Географическим бюро, а в 1735 г., в президентство И. А. Корфа получила официальное название Географического департамента, в котором сложился свой штат — геодезисты, копиисты, переводчик. На Департамент была официально возложена задача создания Генеральной карты Российской Империи. Делиль разработал проекцию, наиболее удобную для картографии России.

В 1737 г. в Перу и Лапландии начали работать французские градусные экспедиции, которые должны были окончательно решить вопрос о фигуре Земли — выяснить, как говорили в то время, огурец ли она, как полагали картезианцы, или мандарин, как считал И. Ньютон. На основе анализа трудов Лапландской экспедиции Делиль разработал оптимальную программу градусных измерений, отобрал наиболее подходящие для этой цели инструменты и методы. Все это вошло в его работу «Предложение о мерянии Земли в России», читанную в Конференции 21 января 1737 г. (издана также на французском и немецком языках). План Делиля был в полной мере реализован лишь в XIX в. под руководством В. Я. Струве в России, а также Швеции и Норвегии.

В 1736 и 1739 гг. Делиль дважды измерил базис будущей триангуляционной сети России, проложенный по льду Финского залива от дворца в Петергофе до Дубков.

В 1738 г. Делиль опубликовал в издательстве Академии наук книгу «Memoires pour servir à l'histoire et au Progrès de l'Astronomie, de la Geographie et de la Physique» («Мемуары для истории и развития астрономии, географии и физики»), куда включил свои исследования по астрофизике, небесной механике, метеорологии и дифракции света, выполненные в Париже, но там не опубликованные, а также новые работы — свои и других петербургских ученых.

В феврале 1740 г. Делиль возглавил экспедицию в Сибирь для наблюдений прохождения Меркурия по диску Солнца, которое было невидимым в Европе. К сожалению, плохая погода помешала наблюдениям. Но Делиль и его спутники выполнили много точных астрономических наблюдений с небольшим пассажным инструментом, первым тогда в России. Это позволило определить широты и особенно долготы ряда городов Сибири.

Возвратившись в Петербург, Делиль попал уже совсем в другую Россию — смерть Анны Иоанновны, свержение младенца-императора Иоанна Антоновича, воцарение Елизаветы Петровны. Как реакция на бироновщину поднялись антинемецкие настроения. В Академии наружу вышла ненависть части персонала к Шумахеру, посыпались на него жалобы, началось следствие. Делиль стал одним из главных обвинителей Шумахера. Но тот нашел себе влиятельных покровителей и сумел не только вернуть себе прежнее положение, но даже укрепиться в нем, тем более что Академия в этот период не имела президента.

Делиль был крайне недоволен тем, как в его отсутствие велась работа над картами в Географическом департаменте, но Сенат торопил с изданием «Атласа», который был опубликован в 1745 г. и состоял из Генеральной карты и 19 частных карт. «Атлас Российский» не отразил всех результатов, полученных к этому времени астрономами, в частности — во Второй Камчатской экспедиции, в которой участвовал Л. Делиль де ла Кройер. Тем не менее с изданием «Атласа» Россия вышла на одно из первых мест в мире по картографированию своей территории.

В последующие несколько лет Делиль вел с Академией сложные переговоры о своей дальнейшей службе. В январе 1747 г. он уволился со званием почетного члена и пенсией в 200 руб. и вернулся на родину. Но вскоре в одном из его частных писем было обнаружено насмешливое выражение в адрес Академии (которая якобы превратилась в «фантастическую корпорацию»), в результате Академия лишила его всех почестей и даже запретила всякую с ним переписку.

За 22 года работы в России Делиль пережил много тягот и огорчений. Он потерял здесь любимого младшего брата, трагически погибшего в Камчатской экспедиции. Делиль также нашел в России и свое счастье, но не в личной жизни, а в творческом труде. Петербургская академия наук стала для него и для многих его учеников и коллег истинным «раем для ученых», где они могли с упоением заниматься любимой наукой, реализуя свои дарования.

Кафедру анатомии в Академии наук до 1740 г. занимал Иоганн Георг Дювернуа, питомец Тюбингенского университета, доктор медицины. Он также был рекомендован Блюментросту Вольфом, который пророчил ему большое будущее [1, с. 35, 44]. Его путь в Петербург был несчастлив: корабль потерпел крушение, он добирался из Ревеля сухим путем и прибыл в Петербург только в канун 1726 г. В Петербурге, в отличие от старых городов, было множество одиноких людей, погибших на стройках, на морозе, от пьянства, здесь не было недостатка в трупах, которые полиция присылала в Академию для установления причины смерти. Поэтому Анатомический театр не пустовал, и Дювернуа имел достаточно материала для анатомирования, который он с годами охотно передал своему ученику И. Вейтбрехту, а в процессе деятельной работы напечатал около 20 статей в «Комментариях». Из придворного зверинца ему доставлялись для вскрытия редкие звери: слон, леопард, рысь. Он проявлял большой интерес к сравнительной анатомии человека и животных, особенно его занимали достав-

ленные из Сибири кости мамонта, которые он сравнивал с костями слона и размышлял об их родстве.

Дружба с Бильфингером и Делилем сделала Дювернуа противником Шумахера и втянула в академические раздоры, которые уже в начале «безвременья», наступившего после смерти Анны Иоанновны, заставили его в июне 1741 г. уволиться из Академии и вернуться с семьей в Тюбинген. Но там он не был счастлив и несколько раз переезжал в другие города. Обещанную в Петербурге пенсию в 200 руб. он получил только один раз, дальше ему отказали с объяснением, что он прислал только две незначительные статьи. В частной медицинской практике он был известен своим состраданием к беднякам.

17 июля 1746 г. Дювернуа писал Шумахеру о трудностях жизни в Германии, хвалил преимущества Петербурга и не советовал оставшимся там своим друзьям покидать Россию, к чему его самого принудила его «несчастливая звезда» [18, л. 168 и об., фр.]. Он умер в вюртембергском городе Амштадте в 1759 г.

Из принятых на службу в Академию наук гуманитариев двоих постигла несчастливая участь. Профессор красноречия И. Х. Коль, приехавший из Лейпцига летом 1725 г., в 1726 г. начал было читать лекции, но вскоре заболел, «впал в задумчивость». По версии, переданной А. Л. Шлёцером, он безумно влюбился в красавицу-принцессу Елизавету Петровну. Академия отправила его на родину. (По совету И. Х. Коля прибыл в Академию студент Г. Ф. Миллер.) Х. Ф. Гросс, который приехал вместе со своим учителем Бильфингером стал в Академии профессором нравоучительной философии, среди слушателей его лекций был Антиох Кантемир. Но студентов было очень немного, и Гросс скоро стал домашним учителем у А. Остермана и с ним уехал в Москву. Из Академии он выбыл в 1731 г. Позднее он запутался в политических делах, и 2 января 1742 г. покончил с собой. Более удачлив был юрист И. С. Бекенштейн, приехавший из Кенигсбергского университета. Он, помимо чтения лекций немногочисленным студентам, написал и издал книгу по геральдике, произнес речь в публичном собрании, оказывал помощь Юстиц-коллегии. В 1735 г. он возвратился в Кенигсберг. По тому состоянию, в каком находился в эти годы Академический университет, труд этих ученых был мало востребован.

В ином положении оказался Г. З. Байер, родом из Кенигсберга. С юных лет он увлекался историей, особенно Востоком, защитил в 1715 г. диссертацию на богословскую тему. Некоторое время провел в Берлине и Лейпциге, где получил степень магистра. В 1717 г., возвратившись в Кенигсберг, Байер служил в местной библиотеке, был проректором, потом ректором в Кафедральной школе, написал несколько статей по истории Пруссии. В Петербургскую академию его рекомендовал Х. Гольдбах, знавший его по Кенигсбергу. Здесь Байера привлекла возможность заниматься древностями и Востоком. 17 февраля 1726 г. он прибыл в Петербург. Здесь он сблизился с вице-президентом Синода Феофаном Прокоповичем, большим покровителем наук, и при содействии А. Остермана завязал переписку с иезуитами, находящимися в Пекине. У жившего в Петербурге некоего ин-

дуса по имени Сонхбара он изучал санскрит. Свод знаний о Китае Байер изложил в двухтомном сочинении «Museum Sinicum», изданном Академией в 1732 г. — это одна из первых академических монографий. В создании этой книги участвовали другие ученые Академии, в особенности Ж. Н. Делиль, хорошо знавший китайский язык. В «Комментариях» он опубликовал 32 статьи, иногда заполняя ими весь исторический раздел журнала: о скифах; кавказской стене; хронологии скифов; древних монетах; географии Древней Руси и многое другое. Кроме «Китайского музея» Академия отдельно издала 5 сочинений Байера на латинском языке — историю Бактрийского царства, о китайских часах и другие. Его работа в Академии была чрезвычайно продуктивной и, можно сказать, счастливой, если бы нетяжелые болезни и частые конфликты с Шумахером, которые привели его к решению вернуться на родину. Уже в 1737 г. он исхлопотал увольнение и отправил в Кенигсберг свою библиотеку, но тяжело заболел и скончался 10 февраля 1738 г.

А теперь стоит обратить наши взоры к тем ученым, которые пришли в Академию наук в первые годы ее существования совсем молодыми. Но говорить о них придется очень кратко. Это родившиеся уже в первом десятилетии XVIII в.: Г. В. Крафт (1701), И. Вейтбрехт (1702), Г. Ф. Миллер



И. Г. Гмелин

(1705), Л. Эйлер (1707), И. Г. Гмелин (1709). Самый юный из них, Гмелин, сын известного тюрингенского аптекаря, приехал в Петербург по совету Бильфингера 30 августа 1727 г. В Тюрингенском университете он изучал медицину, но отец в своем письме в Академию рекомендовал его как химика. Хотя кафедра химии была не занята, его по молодости сначала приняли на скудное жалованье (10 руб. в месяц) и посадили приводить в порядок коллекции натуралиев в Кунсткамере. Остальные четверо стали адъюнктами, преподавали в Гимназии и начали определяться по будущей специальности. Эйлер, хотя был принят помощником Д. Бернулли по физиологии,

очень быстро обнаружил свои незаурядные математические способности и был допущен в Конференцию, где стал выступать с докладами. Миллер, прошедший в Лейпцигском университете курс журналистики у И. Б. Менке, в Академии стал первым редактором созданного здесь в 1728 г. научно-популярного журнала «Примечания на "Ведомости"» (выходил на немецком и русском языках). В 1730—1731 гг. он совершил путешествие по Европе частично по личным делам, а частично по поручениям Академии, и в Лондонском Королевском обществе был принят в число его членов. Вейтбрехт начал помогать Дювернуа в Анатомическом театре, а Крафт — Бильфингеру создавать Физический кабинет и одновременно в Обсерватории учился у Делиля астрономии.



Г. В. Крафт

Петербургская академия, чтобы дать возможность молодым людям продвигаться по службе, не дожидаясь освобождения кафедр, ввела не предусмотренную петровским Проектом категорию «экстраординарный академик» (или профессор). Благодаря этому все пятеро решением Конференции с 1 января 1731 г. получили это звание с повышением жалованья. Дальше их положение в Академии складывалось по-разному. Крафт благодаря женьтибе породнился с Шумахером и поэтому пользовался его покровительством. В Физическом кабинете он трудился активно, много выступал в Конференции (в 1730—1733 гг. вел ее протоколы), в «Комментариях» опубликовал более 60 статей по математике и физике, особенно интересовался метеорологией. Свыше 20 его статей напечатаны в «Примечаниях на "Ведомости"». Крафт написал ряд учебных пособий — по математической и натуральной географии; по геометрии; о физических опытах и др. Почти

все они переиздавались и переводились на русский язык. В трудном для Академии 1744 г. он уволился и с семьей вернулся в Тюбинген, но сохранял с ней тесные связи до своей кончины в 1754 г. Сын его Вольфганг Людвиг был принят в Академию в 1768 г. Вейтбрехт, с годами отдалившись от своего руководителя Дювернуа, выполнял основную работу по экспертизе трупов, на огромном материале написал монографию о связках — «Синдесмологию» (1742), которую в истории медицины называют классическим сочинением в данной области. Вейтбрехт читал курс физиологии для лекарей петербургских госпиталей. Он был редким для своего времени сторонником ньютонианства в медицине и отрицал авторитеты медицинских знаменитостей, вел переписку со своим английским единомышленником Дж. Джурином. Он опубликовал более 20 статей в «Комментариях» и много заметок в «Примечаниях на "Ведомости"». Умер в Петербурге в 1747 г.

Гмелин и Миллер совместно участвовали во Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., в ходе которой они исколесили, по суше и рекам, вместе и по отдельности, более 30 тыс. верст, испытали великие тяготы, но и великий восторг от встречи с природой неизученной, а то и вовсе неведомой европейцам. Гмелин по возвращении из Сибири подготовил первые тома своей «*Flora Sibirica*» (она вышла в четырех томах в 1747—1769 гг. и содержит описание 1178 видов растений, среди них много неизвестных), примерно четверть из них — с изображениями. Гмелин и Миллер вернулись в Академию, которая в тот период находилась в кризисном состоянии раздоров, без президента. Гмелин уехал в Тюбинген, не уволившись и получив вперед жалованье под поручительство Миллера и Ломоносова, но не вернулся. Вокруг этого была долгая тяжба. Он умер в 1755 г. (Его племянник Самуил Готтлиб был принят в Академию в 1767 г. Он погиб в экспедиции на Кавказе.) Миллер собрал в архивах огромную массу материалов по истории освоения Сибири, истории русских географических открытий. Он долго и очень серьезно болел. Миллера торопили с написанием истории Сибири, но в то же время отвлекали от работы и создавали всякие сложности, вплоть до временного разжалования в адъюнкты. Первый том книги вышел в 1750 г. под предложенным Шумахером заглавием «Описание Сибирского царства», потом Миллер вернул ей свое название «История Сибири». Миллер прожил долгую жизнь (умер в 1783 г.). В Академии служил до 1765 г. Последние 10 лет был ее конференц-секретарем. Потом переехал в Москву. Его научное наследие огромно. Но это отдельная тема.

Гмелину и Миллеру не довелось побывать на Камчатке, но там основательно поработали два других молодых человека из Академии — адъюнкт Георг Вильгельм Стеллер и тогда еще студент Степан Петрович Крашенинников. О них написано много книг. Здесь остается только напомнить, что Крашенинников по возвращении стал адъюнктом в 1745 г., а в 1750 г. — одним из первых русских академиком; его книга «Описание земли Камчатки» вышла в 1755 г. (в год его смерти) и была первой научной книгой в Академии, написанной и изданной на русском языке. Стеллеру, участвовавшему в плавании В. Беринга, удалось — единственному из всей экспе-

диции и первому из европейцев — вступить на тихоокеанский берег Америки, остров Каяк (он пробыл там 6 часов). Его возвращение с Камчатки было сопряжено со многими мытарствами и страданиями, в Тюмени он заболел горячкой и 12 ноября 1746 г. умер.

Остается еще сказать о Леонарде Эйлере, хотя говорить о нем кратко очень трудно. В 1727 г. приехав в Россию, он за 14 лет службы в Академии из неизвестного юноши, не нашедшего себе места в Базельском университете, стал всемирно известным математиком, механиком, физиком. Этому способствовали многие благоприятные условия, сложившиеся в Академии — постоянное общение с группой сильных математиков, участие в работе Конференции и выступления с докладами, богатая библиотека, неограниченная возможность публиковать свои труды, широкие международные связи, поощрявшиеся руководством Академии, бравшей к тому же оплату научной переписки на свой счет, и, наконец



Л. Эйлер

необходимость решения практических задач, что стимулировало теоретическое творчество. Все это раскрывает смысл тех известных слов, которые написал Эйлер из Берлина в письме Шумахеру 18 ноября 1749 г.:

Я и все остальные, имевшие счастье состоять при Русской Императорской Академии должны признать, что тем, чем мы являемся, все мы обязаны благоприятным обстоятельствам, в которых там находились. Что касается собственно меня лично, то при отсутствии столь превосходных обстоятельств я бы вынужден был заняться другой наукой, в которой, судя по всем признакам, мне предстояло бы стать лишь кропателем.

На вопрос, где он научился тому, что знает, он отвечал:

Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии (19, с. 182).

На требование писать «системы» Эйлер ответил двухтомной «Mechanica sive motus scientia analytice exposita» («Механика, или Наука о движении, изложенная аналитически», 1736). В это же время он начал писать свою «Scientia navalis» («Морская наука») — недаром ходил каждый день мимо строящихся кораблей. Беспокойные политические обстоятельства начала 40-х годов вынудили его принять приглашение Фридриха II и переехать в Берлин в 1741 г. С тех пор он работал одинаково интенсивно в двух Академиях, печатая в Берлине и в Петербурге примерно равное количество трудов. Его колоссальной продуктивности хватало на обе Академии. Через 25 лет, в 1766 г. он вернулся с семьей в Россию, здесь в 1783 г. умер и был похоронен. Но это уже другое время. Мы же останавливаемся на 40-х годах. Для Эйлера, во всяком случае, здесь, в России был рай, обещанный ему Х. Вольфом.

Литература

1. *Wolff Ch.* Brife aus den Jahren 1719 — 1753. Petersburg, 1860.
2. *Михайлов Г. К.* К переезду Леонарда Эйлера в Петербург (по материалам ранней переписки Л. Эйлера с Д. Бернулли и другим источникам) // Известия Академии наук СССР. Отделение технических наук. 1957. № 3. С. 10—37.
3. Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eulers. Teil 3. Hrsg. u. eingl. v. A. P. Juschkewic u. E. Winter, zum Druck vorb. v. P. Hofmann, T. N. Klado, J. Ch. Kopelevic. Berlin, 1976.
4. *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1887.
5. *Автократова М. И.* Материалы Центрального государственного архива древних актов // ВИЕТ. 1974. Вып. 4(49).
6. *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
7. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1885.
8. Neuer Zeitungen von gelehrten Sachen. Bd. XXXVI. Leipzig. 1725.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФА РАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2.
10. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 6. История Академии наук Г. Ф. Миллера (1725—1743). СПб., 1890.
11. Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis comventu die XXVII Decembris anni publice recitati. Sumptibus Academiae scientiarum (1726): напечатано по заказу Академии в Кенигсберге.
12. СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11.
13. Neuer Zeitungen von gelehrten Sachen. Bd. XXXVIII. Leipzig. 1726.
14. *Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х.* Христиан Гольдбах. 1690—1764. М., 1983.
15. Von den Merkwurdigkeiten der Stadt Petersburg. Tubingen, [1731].
16. СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16.
17. Уставы Академии наук СССР. 1724 — 1974. М., 1974.
18. СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 34.
19. Die Berliner und die Petersburger Academie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eulers. T. 2. Berlin, 1961.